

М.В. Подрезов

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОПУЛИЗМА И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

*Статья выполнена по гранту на реализацию научного проекта РФФИ № 19-011-31231
«Политическая социализация молодежи в университетских городах».*

Рассматривается феномен политического популизма через призму исследований, начавшихся во второй половине 1960-х гг. и активно продолжающихся по настоящее время. В работе представлено разнообразие подходов к пониманию популизма. Делается акцент на неоднородности феномена в силу его исторических и региональных особенностей. Особое место занимает современный взгляд на популизм в контексте развития цифровой эпохи в целом и социальных сетей в частности, в рамках которого в политической науке приобрел приставку 2.0, обозначающую диджитализацию феномена.

Ключевые слова: популизм; популизм 2.0; цифровой популизм; постдемократия; постправда; политическое движение; политическая идеология; политический стиль.

На протяжении последних пятидесяти лет к популизму приковано внимание исследователей по всему миру. Несмотря на это, до сих пор остаются нерешенными многие проблемы, в частности дефиниции данного феномена, выработки общей теории, что порождает методологические сложности оценивания многих работ и т.д. Вместе с тем за указанный период произошла наглядная эволюция в восприятии учеными популизма, что в конечном счете позволило говорить о «новом популизме» или о «популизме 2.0».

В настоящей работе нами были проанализированы подходы к рассмотрению и пониманию популизма, а также поставлены исследовательские задачи, вытекающие из современного положения дел. Обращаясь к российской действительности, мы можем с уверенностью судить, что использование популистских приемов, тактик и стратегий приносит успех, выражающийся в повышении политической активности молодежи, росте протестных настроений.

При обращении к истокам изучения популизма, отметим, что традиционно принято считать родоначальниками исследования данного феномена участников конференции в Лондонской школе экономики, состоявшейся в 1967 г., на полях которой популизм был обозначен как разнородное явление, присущее в первую очередь новым независимым государствам того времени, но одновременно проявляющееся как в демократических плюралистических политических системах, так и в коммунистических режимах. Данный факт нашел отражение в сборнике материалов конференции, вышедшем в свет в 1969 г. под общей редакцией британского политолога Гиты Йонеску и британского философа и социального антрополога Эрнеста Геллнера [1]. Несмотря на ряд достоинств данной работы, ее важным недостатком стало отсутствие обобщения разнородных выводов в единую концепцию, например, в выработку определения популизма. Вместе с тем профессор Центрально-Европейского университета Такис Паппас справедливо заметил, что данная конференция и вышедший по ее итогам сборник обозначили важность популизма для изучения, но при этом никому не ясно, что это такое [2. Р. 2].

В 1970-х гг. зародился формально-дискурсивный подход к изучению популизма, одним из основоположников которого можно назвать известного аргентинского и испанского политолога-постмарксиста Эрнесто Лаклау [3, 4]. Его теория популизма выстраивается следующим образом: когда некоторые социальные требования не могут быть абсорбированы различными институциональными каналами, они объединяются и кристаллизуются вокруг общих символов. В последующем вокруг данных требований лидеры начинают объединять расстроенные массы, то есть идет процесс народной идентификации, который приводит к созданию коллективного субъекта («народа»), противостоящего существующему политическому режиму и требующего проведения изменений [Там же].

В начале 1980-х гг. получил развитие структурный подход к исследованию популизма, который в первую очередь связывается с именем британского политолога Маргарет Кэнован. В своей ранней работе, посвященной данной теме [5], она предложила широкое толкование феномена, включив в его проявления максимально разнородное количество случаев: от методов прямой демократии в Швейцарии до аграрных движений в Соединенных Штатах и авторитарных режимов Латинской Америки, т.е., несмотря на разность исторических эпох, все они рассматривались как единый феномен. Во многом этим объясняется концептуальная растяжимость понятия популизма и эмпирическая путаница, присущая исследованиям и по сей день.

Несколько позже теоретизирование популизма стало осуществляться посредством и идеологического подхода, чему способствовали главным образом работы голландского и американского политолога Каса Мудде, чилийского политолога Христобаля Кальтвассера [6] и их сторонников, например Т. Аккерман [7]. Среди современных отечественных исследователей, прибегающих к данному подходу, прежде всего, стоит выделить Г.И. Мусихина и Г.И. Вайнштейна. Мусихин рассматривает популизм с точки зрения «фрагментарной» идеологии (по аналогии с западным вариантом «узкой» идеологии) через призму «столкнове-

ния антагонистических дискурсов элиты и общества» [8. С. 40]. Вайнштейн также обращает внимание на идеологическую составляющую популистских партий, в частности, предлагает собственные классификации «левых» и «правых» популистских партий в современной Европе [9. С. 26–28; 10. С. 72–74].

Долгое время главным исследовательским полем для изучения рассматриваемого феномена оставалась Латинская Америка, которая в послевоенный период дала миру целый ряд ярких политиков, исповедующих принципы популизма, поэтому неудивительно, что начиная с 1970-х гг. и до начала 2000-х гг. основные работы опираются на материалы этих стран. Вместе с тем проведенные исследования очень неоднородны. Так, можно выделить по меньшей мере два основных подхода, посредством которого объяснялся популизм, и два этапа его развития.

В основу первого подхода легла теория модернизации, в рамках которой популизм – это средство включения в политику городских рабочих и среднего класса, появившихся после послевоенного перехода стран Латинской Америки к капитализму и современности (Давид Кольтер [11], Пол Дрейк [12], Джинио Германи [13]). Второй подход основывается на марксизме и теории зависимости, в рамках которых популизм – это мультиклассовое политическое движение, соответствующее стадии импортозамещающей индустриализации, характерной для многих стран Латинской Америки 1950 – 1980-х гг. (Фернандо Кардосо и Энцо Фалетто [14], Гильермо О’Доннэлл [15]). Несмотря на конфликт между представителями теории модернизации и зависимости, оба подхода объединяет увязка популизма с социально-экономической составляющей массовых политических движений, где рассматриваемый феномен выступает средством мобилизации в определенных исторических и политических обстоятельствах. В то же время характерной особенностью данных исследований является ее слабый компаративистский потенциал за пределами авторитарных режимов Латинской Америки того периода.

По мере перехода ряда государств Латинской Америки к неолиберальной модели, исследователи констатировали в них и изменение характера популизма, отличными чертами которого выступили: 1) иная социальная основа (представители городского неформального сектора и сельская беднота); 2) противопоставление популизма и неолиберализма, который заменил в данном амплуа импортозамещающий индустриализм. В силу этого авторы даже стали прибегать к использованию понятия «неопопулизм». На подобных идеях основываются многие работы, в частности Кеннета Робертса [16] и Курта Вейленда [17]. При этом Вейленд довольно оригинально определяет популизм как политическую стратегию, основываясь на которой, лидер добивается или осуществляет власть, опираясь на прямую, непосредственную и неинституционализированную поддержку большого числа последователей, значительная часть из которых не являются организованной силой [18. Р. 14].

По мере поступательного и победного шествия популистских практик по западным демократиям, фокус внимания с Латинской Америки стал все боль-

ше смещаться на европейский континент и США. Еще в 2004 г. Кас Мудде провозгласил начало эпохи «популистского духа» («The populist Zeitgeist») [19], при этом исследовательские акценты стали смещаться на поиск причин случившегося, а также на выявление последствий влияния популизма на демократические режимы. В то же время благодаря развитию концепций «постправды», «постдемократии», «постполитики» популизм все чаще стал видеться как продукт этой эпохи, но в то же время все прекрасно осознавали, что его исторические формы и корни уходят в глубокое прошлое. В силу этого в современные научные работы прочно вошли в обиход понятия «нового популизма», «популизма 2.0» или «постпопулизма», которые характерны именно для настоящего времени. Подобный подход позволяет объяснить отличия ранних форм политического популизма, например, римских популяров, народников времен Российской империи, американских трудящихся конца XIX – начала XX в. от современных форм, выраженных политикой и риторикой Д. Трампа, В. Орбана, Р. Дутерте, «новых» правых и левых европейских партий и т.д. Характерные условия современной эпохи выразил известный британский социолог и политолог Колин Крауч [20. С. 6–7], отметив, что данные различия в первую очередь заключаются в трансформации самой среды, где коммуникация и информация стали играть ведущую роль, при этом политические режимы развитых государств трансформировались в «постдемократии», а сама эпоха именуется эпохой «постправды». Тесную взаимосвязь между эпохой «постправды» и популизмом переняли в том числе и российские исследователи, что вылилось в появление одноименной коллективной монографии [21].

Несмотря на изменение условий, многие авторы продолжили сосредоточивать свое внимание на взаимосвязи между уровнем популизма и социально-экономическим кризисом (Алан Найт [22], Пол Таггарт [23], Карлос де ла Торре [24]). Данная традиция сложилась из особенностей восприятия исследователями рассматриваемого феномена на латиноамериканском материале в рамках теорий модернизации и зависимости, а впоследствии «перекочевала» и на европейское поле. Но парадокс популизма заключается в его разнообразии как во внешнем, так и в сущностном проявлении. Одним из первых, кто перенес данную традицию на европейский материал, выступил Ф. Декер, считавший, что популизм – это продукт общественной модернизации, проводя параллели между латиноамериканским популизмом, фермерскими движениями в США в XIX в., Национальным фронтом Ле Пен и Свободной партией Австрии [25. С. 60–62], что, на наш взгляд, весьма некорректно в силу большой региональной и исторической специфики. Более того, современные практические исследования, полученные при сравнительном анализе результатов европейских выборов в период 2005–2013 гг., показали, что корреляции между уровнем социально-экономического кризиса в обществе и уровнем электоральной поддержки популистов нет или она слишком незначительна [26]. В противовес поискам социально-экономических подоплек в успешности попу-

лизма, многие современные авторы указывают и на другие аспекты, в частности на социокультурные [27. Р. 51–52].

По мере осознания трансформационных процессов в западных демократиях, которые в конечном счете были обозначены как «постдемократия», о чем мы уже говорили ранее, все острее встал вопрос о сущностном противостоянии между популизмом и демократией. Исследователи видят сложную связь между двумя данными категориями: с одной стороны, популизм может нести разрушительное воздействие на демократические процессы и институты, с другой – он выступает как непосредственное проявление демократии, видя в ней более глубокое участие народных масс в политике и учет их интересов при принятии решений. Ф. Декер считает, что «появление популистских партий и движений – это еще не показатель нестабильности демократии. Даже движения с однозначно враждебными намерениями могут принести вклад в консолидацию системы – если причины протеста станут предметом обсуждения и действия со стороны официальных политических структур и тем самым установится новый политический баланс» [25. С. 65].

Существуют, разумеется, и более радикальные позиции. Так, Торберн Тэнсье считает популизм чистой формой демократии [28], в то же время Надя Урбинати видела в популизме потенциально тиранический и разрушительный для некоторых элементов демократического режима феномен [29]. Более того, даже обобщение всей современной научной литературы, посвященной противостоянию популизма и демократии, показывает, что согласия по этому вопросу не существует, да и вряд ли оно появится, так как авторы по-разному воспринимают как саму демократию, так и популизм. Вместе с тем некоторые исследователи справедливо отмечают подвижки в сторону принятия популизма в качестве демократического феномена. Так, Т. Аккерман заключает, что популизм больше не отождествляется исключительно с правыми радикалами, а эмпирический анализ и исторические исследования показывают, что данный феномен может иметь и прогрессивное значение [7. Р. 158]. Среди других подходов также, безусловно, стоит отметить утверждение Т. Паппаса, который выделяет особую форму политического режима как «популистская демократия» со всей ее соответствующей уникальностью. При этом исследователь полагает, что это одна из форм современной представительной демократии, которая находится в оппозиции у политического либерализма [2. Р. 12]. Иными словами, используется формула, что популизм не чужд демократии, он чужд либерализму.

Несмотря на обилие исследовательской литературы, затрагивающей разные аспекты популизма, более чем полувековой пристальный взгляд со стороны ученого сообщества, концептуализация данного феномена все дальше и дальше расходится от единства понимания к многообразию. Виной тому сложность концепта и многообразие форм его проявлений в разных исторических контекстах. Именно поэтому в настоящее время популизм рассматривается как политическое движение, политический стиль, политическая

идеология, политический дискурс, политическая стратегия, политическая культура и т.д. При этом каждая из данных позиций имеет право на существование, что доказывается временем.

Изменение среды еще в 2009 г. позволило исследователям С. Коулмэну и Й.Г. Блумлеру констатировать, что за последние несколько лет почти все, что связано с политическим общением, приобрело новый вид: социальные формации и образ жизни, стратегии убеждения, отношения политиков и журналистов, медиа-технологии, организация и финансы и т.д. [30]. Ранее об этом много рассуждал и видный испанский социолог-постмарксист Мануэль Кастельс. Поэтому неудивительно, что ряд современных политологических исследований, посвященных популизму, содержат любопытную концепцию «популизма 2.0». Сразу оговоримся, что, на наш взгляд, она имеет целый ряд существенных недостатков, которые в первую очередь возникают вследствие неопределенности дефиниции «популизм 1.0», т.е. мы вводим новое понятие, не имея консенсуса по базовому определению. В то же время у «популизма 2.0» есть важная отличительная особенность, позволяющая легко его идентифицировать – коммуникационные процессы происходят главным образом в цифровой среде. То есть, говоря о «популизме 2.0» (по аналогии с Web 2.0), речь в первую очередь ведется о цифровом популизме и сетевом сообществе.

Одним из ключевых вопросов, связанных с изучением «популизма 2.0», стал политический активизм в новых условиях, в частности, в какой степени новые медиа служат общественной сфере, позволяя ей обсуждения в интернете, и, следовательно, какой потенциал имеется для расширения возможностей людей? [31. Р. 4]. Развивая данную идею, доцент Тильбургского университета Ико Мали разработал концепцию «алгоритмического популизма», представляющего собой порождение цифровизации, для понимания которого необходимо знать социальный, политический, экономический контексты, а также «алгоритмический активизм» [32]. По мнению Мали, в эпоху цифровых технологий политические дискурсы лишь в незначительной степени производятся самими политиками, они создаются миллионами граждан, активистов, ботов или алгоритмов. Соответственно, «алгоритмический активизм» нужно понимать как тип активизма, который способствует распространению послания политического деятеля или движения, взаимодействуя с постом, чтобы запустить алгоритм среды, дабы повысить рейтинг популярности данного сообщения [Там же].

По мнению социолога Джарерда Дюваля, рассматриваемая социальная трансформация привела к тому, что поколению миллениалов стала свойственна формула жить и любить так, как они этого хотят. Согласно его взглядам, целый ряд ценностей и принципов, вытекающих из этой формулы, тесно связывают миллениалов с «популизмом 2.0». Среди прочего Дюваль выделил: возможность открытого участия; децентрализацию сетей; прозрачность; склонность к кооперации и коллаборации; глобальность кругозора, открытость и терпимость к различиям; оперирование цифровыми коммуникационными средствами; поиск об-

щего языка и отсутствие множества культурных противоречий; предпочтение более активного и совместного правительства; политическую активность и высокий уровень волонтерства и т.д. [33]. При этом создание «подлинного» кандидата или «верной» позиции в социальных сетях осуществляется, преимущественно, популистскими методами, которые основываются на трех принципах: поляризация, упрощение и эмоциональность [31].

Таким образом, «популизм 2.0» представляет собой яркий пример продукта эпохи постмодерна: с одной стороны, передовая технологичность, основанная на математических алгоритмах и таргетинге; с другой – элемент архаичной политической культуры, так как работает на принципах универсального деления на «своих» и «чужих», «добро» и «зло» [34. С. 127], выражая радикализацию и поляризацию идей, а мемы и твиты порождают новых политических героев и антигероев, превнося упрощение и эмоциональность.

Заключая, хотелось бы отметить, что популизм за годы внимания к нему понимался и как угроза, и как нормальное проявление демократического политического процесса. Вместе с тем до сих пор остается неясным, как коррелируют между собой уровень восприятия популистских практик с уровнем развития политической культуры общества, а также какое место в этом процессе занимает политическая социализация и политическое образование? Видя в современном популизме двойкий продукт эпохи постмодерна, гармонично сочетающий в себе передовые цифровые практики с архаикой, представляется весьма уместным рассматривать данный феномен в качестве инструмента, позволяющего добиваться политических целей, основываясь на поляризации позиций и радикализации основных идей, упрощения представлений о политике и политических проблемах, а также обращаясь к эмоциональному сопереживанию и раздражению со стороны потенциальной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Populism: Its meanings and national characteristics / Ed. by G. Ionescu, E. Gellner. London : Weidenfeld and Nicolson, 1969. 263 p.
2. Pappas T.S. Modern Populism: Research Advances, Conceptual and Methodological Pitfalls, and the Minimal Definition // *Politics Oxford Research Encyclopedia*. 2016. P. 1–24. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.17.
3. Laclau E. *Politics and ideology in Marxist Theory: capitalism-fascism-populism*. London : Verso, 1977. 203 p.
4. Laclau E. *On populist reason*. London : Verso, 2005. 276 p.
5. Canovan M. *Populism*. London : Junction Books, 1981. 351 p.
6. Mudde C., Kaltwasser C.R. Populism: Corrective and threat to democracy // *Populism in Europe and the Americas: Threat or corrective for democracy?* / Ed. by C. Mudde, C.R. Kaltwasser. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 205–222. DOI: 10.1017/CBO9781139152365.
7. Akkerman T. Populism and Democracy: Challenge or Pathology? // *Acta Politica*. 2003. Vol. 38, № 2. P. 147–159. DOI: 10.1057/palgrave.ap.5500021.
8. Мусихин Г.И. Популизм: структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*. 2009. № 4 (55). С. 40–53.
9. Вайнштейн Г.И. Популизм в современной Европе: новые тенденции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 12. С. 24–33.
10. Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 4. С. 69–89. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06.
11. Collier D. The bureaucratic-authoritarian model: Synthesis and priorities for future research // *The new authoritarianism in Latin America*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1979. P. 19–33.
12. Drake P. Conclusion: Requiem for populism? // *Latin American Populism in Comparative Perspective*. Albuquerque : University of New Mexico Press, 1982. P. 217–247.
13. Germani G. *Authoritarianism, fascism, and national populism*. New Brunswick, NJ : Transaction Books, 1978. 292 p.
14. Cardoso F.H., Faletto E. *Dependency and development in Latin America*. Berkeley : University of California Press, 1979. 227 p.
15. O'Donnell G. *Modernization and bureaucratic authoritarianism*. Studies in South American politics. Berkeley : University of California Press, 1979. 219 p.
16. Roberts K. Neoliberalism and the transformation of populism in Latin America: The Peruvian case // *World Politics*. 1995. Vol. 48. № 1. P. 82–116. DOI: 10.1353/wp.1995.0004.
17. Weyland K. Neoliberal populism in Latin America and Eastern Europe // *Comparative Politics*. 1999. Vol. 31, № 3. P. 379–401. DOI: 10.2307/422236.
18. Weyland K. Clarifying a contested concept: Populism in the study of Latin American politics // *Comparative Politics*. 2001. Vol. 34, № 1. P. 1–22. DOI: 10.2307/422412.
19. Mudde C. The populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. Vol. 39, № 4. P. 542–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x.
20. Крауч К. *Постдемократия* / пер. с англ. Н.В. Эдельмана. М. : Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 192 с.
21. «Политика постправды» и популизм / под ред. О.В. Поповой. СПб. : ООО «Скифия-принт», 2018. 216 с.
22. Knight A. Populism and neo-populism in Latin America, especially Mexico // *Journal of Latin American Studies*. 1998. Vol 30, № 2. P. 223–248. DOI: 10.1017/S0022216X98005033.
23. Taggart R. *Populism*. Buckingham : Open University Press, 2000. 128 p.
24. De la Torre C. *Populist seduction in Latin America*. Athens : Ohio University Press, 2000. 259 p.
25. Декер Ф. Популизм как вызов либеральным демократиям // *Актуальные проблемы Европы*. 2004. № 2. С. 56–73.
26. Mudde C. Three Decades of Populist Radical Right Parties in Western Europe: So What? // *European Journal of Political Research*. 2013. Vol. 52, № 1. P. 1–19. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2012.02065.x.
27. Goodhart D. *The road to somewhere: The new tribes shaping British politics*. London : Penguin, 2017. 278 p.
28. Tånnsjö T. *Populist Democracy: A Defence*. London : Routledge, 1992. 139 p.
29. Urbinati N. Democracy and Populism // *Constellations*. 1998. Vol. 5, № 1. P. 110–124. DOI: 10.1111/1467-8675.00080.
30. Coleman S., Blumler J.G. *The Internet and democratic citizenship: Theory, practice and policy*. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 220 p.
31. Enli G. New Media and Politics // *Annals of International Communication Association*. 2017. P. 1–8. DOI: 10.1080/23808985.2017.1392251.
32. Maly I. Algorithmic populism and algorithmic activism // *Diggit Magazine*. 08.11.2018. URL: <https://www.diggitmagazine.com/articles/algorithmic-populism-activism> (дата обращения: 15.09.2019).
33. Duval J. *Next generation democracy: What the open-source revolution means for power, politics, and change*. New York : Bloomsbury Publishing, 2010. 272 p.
34. Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре // *Полис. Политические исследования*. 1997. № 5. С. 127–139.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 17 октября 2019 г.

The History of the Study of Political Populism and Its Current Position in Political Science

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 96–101.

DOI: 10.17223/15617793/451/13

Mikhail V. Podrezov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mvpodrezov@gmail.com

Keywords: populism; populism 2.0; digital populism; postdemocracy; posttruth; political movement; political ideology; political style.

The article considers the phenomenon of political populism, which is complex and multifaceted. Despite more than fifty years of interest in this issue, political science has still not developed a unified concept and common understanding of populism. In this regard, in the framework of this study, the aim was set to analyze the evolution of approaches to understanding populism, highlight their specific features, and also note their current state. This seems very important and relevant in the context of the “victorious advance” of populist practices and ideas around the world: from the “new” European right and left parties to Donald Trump and Rodrigo Duterte. At the same time, in Russian realities, this phenomenon has practical consequences, expressed in the increase of political activity and protest moods among young people, which is associated with the dominance of populist practices in virtual space in general, and in social networks in particular. The study is based on the works of prominent foreign researchers of political populism, who proposed their own vision of this phenomenon and had a significant influence on their followers: the Argentine and Spanish post-Marxist political scientist E. Laclau (formal-discursive approach), the British political scientist M. Canovan (structural approach), the Dutch and American political scientist C. Mudde (ideological approach). Based on the methods of comparative and diachronic analysis, the author identifies the advantages and disadvantages of the concepts under consideration. At the same time, special attention is paid to the modern manifestations of populism and their theoretical explanations by researchers, which led to the emergence of the concepts “digital populism”, “populism 2.0” (similar to Web 2.0). In the course of the research, the author made several important conclusions. The conceptual vagueness of the notion of political populism originates at the first conference (at the London School of Economics) and continues to the present. The explanation of this fact is both the various theoretical foundations that the researchers resorted to, and the attempt to explain the heterogeneous manifestations of the phenomenon under consideration using one model without taking into account historical, political and socio-economic contexts. At the same time, the author notes that nowadays an understanding of the close relationship between populism and the phenomena of post-truth, post-politics and post-democracy has emerged, which, coupled with the growing influence of new information and communication channels, allows us to speak of a “new populism”. Developing this idea, the author comes to the conclusion that populism itself should be perceived as a twofold product of the postmodern era, combining advanced digital practices with archaic elements; as a tool to achieve political goals based on the polarization and radicalization of positions and ideas, simplification of politics and political problems, as well as appeal to emotional empathy and irritation.

REFERENCES

1. Ionescu, G. & Gellner, E. (eds) (1969) *Populism: Its Meanings and National Characteristics*. London: Weidenfeld and Nicolson.
2. Pappas, T.S. (2016) Modern Populism: Research Advances, Conceptual and Methodological Pitfalls, and the Minimal Definition. In: Thompson, W.R. (ed.) *Politics Oxford Research Encyclopedia*. Oxford University Press. pp. 1–24. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.17
3. Laclau, E. (1977) *Politics and Ideology in Marxist Theory: Capitalism, Fascism, Populism*. London: Verso.
4. Laclau, E. (2005) *On Populist Reason*. London: Verso.
5. Canovan, M. (1981) *Populism*. London: Junction Books.
6. Mudde, C. & Kaltwasser, C.R. (2012) Populism: Corrective and threat to democracy. In: Kaltwasser, C.R. & Mudde, C. (eds) *Populism in Europe and the Americas: Threat or corrective for democracy?* Cambridge: Cambridge University Press. pp. 205–222. DOI: 10.1017/CBO9781139152365
7. Akkerman, T. (2003) Populism and Democracy: Challenge or Pathology? *Acta Politica*. 38 (2). pp. 147–159. DOI: 10.1057/palgrave.ap.5500021
8. Musikhin, G.I. (2009) Populizm: strukturnaya kharakteristika politiki ili “ushcherbnaya ideologiya”? [Populism: A Structural Characteristic of Politics or a “Flawed Ideology”?]. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz – Politeia*. 4 (55). pp. 40–53.
9. Vaynshteyn, G.I. (2013) Populism in Contemporary Europe: New Trends. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 12. pp. 24–33. (In Russian).
10. Vaynshteyn, G.I. (2017) Modern Populism as a Subject of Political Science. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 69–89. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06
11. Collier, D. (1979) The Bureaucratic-Authoritarian Model: Synthesis and Priorities for Future Research. In: Collier, D. (ed.) *The New Authoritarianism in Latin America*. Princeton, NJ: Princeton University Press. pp. 19–33.
12. Drake, P. (1982) Conclusion: Requiem for populism? In: Conniff, M.L. (ed.) *Latin American Populism in Comparative Perspective*. Albuquerque: University of New Mexico Press. pp. 217–247.
13. Germani, G. (1978) *Authoritarianism, Fascism, and National Populism*. New Brunswick, NJ: Transaction Books.
14. Cardoso, F.H. & Faletto, E. (1979) *Dependency and Development in Latin America*. Berkeley: University of California Press.
15. O’Donnell, G. (1979) *Modernization and Bureaucratic Authoritarianism. Studies in South American Politics*. Berkeley: University of California Press.
16. Roberts, K. (1995) Neoliberalism and the Transformation of Populism in Latin America: The Peruvian Case. *World Politics*. 48 (1). pp. 82–116. DOI: 10.1353/wp.1995.0004
17. Weyland, K. (1999) Neoliberal Populism in Latin America and Eastern Europe. *Comparative Politics*. 31 (3). pp. 379–401. DOI: 10.2307/422236
18. Weyland, K. (2001) Clarifying a Contested Concept: Populism in the Study of Latin American Politics. *Comparative Politics*. 34 (1). pp. 1–22. DOI: 10.2307/422412
19. Mudde, C. (2004) The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*. 39 (4). pp. 542–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x
20. Crouch, C. (2010) *Postdemokratiya* [Post-Democracy]. Translated from English by N.V. Edel’man. Moscow: HSE.
21. Popova, O.V. (ed.) (2018) *“Politika postpravdy” i populizm* [Post-Truth Politics and Populism]. St. Petersburg: OOO “Skifiya-print”.
22. Knight, A. (1998) Populism and Neo-Populism in Latin America, Especially Mexico. *Journal of Latin American Studies*. 30 (2). pp. 223–248. DOI: 10.1017/S0022216X98005033
23. Taggart, R. (2000) *Populism*. Buckingham: Open University Press.
24. De la Torre, C. (2000) *Populist Seduction in Latin America*. Athens: Ohio University Press.
25. Decker, F. (2004) Populism as a Challenge to Liberal Democracies. Translated from German by S.V. Pogorel’skaya. *Aktual’nye problemy Evropy – Current Problems of Europe*. 2. pp. 56–73. (In Russian).

26. Mudde, C. (2013) Three Decades of Populist Radical Right Parties in Western Europe: So What? *European Journal of Political Research*. 52 (1). pp. 1–19. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2012.02065.x
27. Goodhart, D. (2017) *The Road to Somewhere: The New Tribes Shaping British Politics*. London: Penguin.
28. Tännsjö, T. (1992) *Populist Democracy: A Defence*. London: Routledge.
29. Urbinati, N. (1998) Democracy and Populism. *Constellations*. 5 (1). pp. 110–124. DOI: 10.1111/1467-8675.00080
30. Coleman, S. & Blumler, J.G. (2009) *The Internet and Democratic Citizenship: Theory, Practice and Policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
31. Enli, G. (2017) New Media and Politics. *Annals of International Communication Association*. pp. 1–8. DOI: 10.1080/23808985.2017.1392251
32. Maly, I. (2018) Algorithmic Populism and Algorithmic Activism. *Diggit Magazine*. 08.11.2018. [Online] Available from: <https://www.diggitmagazine.com/articles/algorithmic-populism-activism>. (Accessed: 15.09.2019).
33. Duval, J. (2010) *Next generation democracy: What the open-source revolution means for power, politics, and change*. New York: Bloomsbury Publishing.
34. Shcherbinina, N.G. (1997) Arkhaika v rossiyskoy politicheskoy kul'ture [The Archaic in the Russian Political Culture]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 127–139.

Received: 17 October 2019